

Русская мысль - Париж - 1996 - 9 мая - с.16.
 В АПРЕЛЕ ЭТОГО ГОДА ВЛАДИМИРУ НАБОВУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 97 ЛЕТ

Набоков, модернизм и постмодернизм

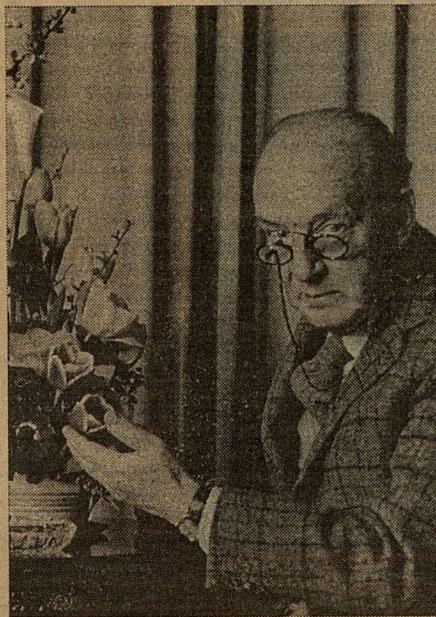
Ницца — не совсем случайное место для набоковской конференции, уже во второй раз организруемой Морисом Кутюрье, набоковедом из ниццкого университета “София-Антиполис”. Набоков хорошо знал юг Франции, где он впервые побывал четырехлетним ребенком, здесь происходит действие многих его произведений, здесь, в Ницце, в 1961 году он начинал писать роман “Бледный огонь”.

Вторая набоковская конференция, состоявшаяся три года спустя после первой (летом 1995 г.), собрала в основном тот же достаточно узкий круг преимущественно американских, группирующихся вокруг Набоковского общества, ученых, а также специалистов из Англии, Германии, Финляндии, Нидерландов и, конечно, Франции. Как и в прошлый раз, список участников украшали имена наиболее заслуженных знатоков — Дона Бартона Джонсона, автора книг о Набокове и редактора новейшего научного журнала, целиком посвященного набоковедению; Симона Карлинского из Беркли, Брайана Бойда из Новой Зеландии, автора двухтомной биографии Набокова, за немногие годы успешнейшей статьи классической. На этот раз к прежним участникам примкнули А. Долинин из Петербурга, ныне живущий в Америке, Леона Токер из Иерусалима и кн. Вл. Трубецкой из Парижа; напротив, отсутствовали Вл. Александров из Йельского университета, автор книги о “потусторонности” Набокова и редактор новейшего “Garland Companion to Vladimir Nabokov”, включающего статьи многих участников конференции и ставшего этапом в набоковедении; Ст. Дж. Паркер, бессменный редактор журнала “The Nabokovian”; Г. Барабтарло, переводчик Набокова и исследователь его творчества. Отсутствовал и Д. В. Набоков, сын писателя и блистательный переводчик его русских произведений на английский язык; помимо своего доклада на первой конференции, он немало способствовал ее успеху деятельным участием в дискуссиях.

Надо заметить, что волей-неволей ученые, изучающие Набокова — одного из самых “трудных” писателей завершающегося столетия, составляют нечто вроде эзотерического общества: его члены связаны в последние годы волшебной электронной почтой, по которой циркулируют всевозможные набоковские “закавыки”, а иногда и разгадки тех или иных головоломок, коими насыщено творчество писателя.

Заметим также, что суть конференции отнюдь не сводилась к теоретизирующим литературоведческим построениям, объявленным в ее названии. В ряде докладов, пестрявших именами Лакана и Деррида, проблема “принадлежности” Набокова модернизму либо постмодернизму действительно обсуждалась с точки зрения использования в его романах тех или иных временных структур. (Л. Милези из Уэльса) или пародии (Дж. Б. Фостер, США) или же ставилась, исходя из анализа того или иного произведения (например, “Приглашения на казнь” в докладе Дж. У. Конноли). По мысли Дж. Грина (США), в творчестве Набокова немало черт, характерных и для модернизма и для постмодернизма, — на самом же деле оно не сводимо ни к тому, ни к другому. Интересный сравнительный анализ критических высказываний Набокова и Э. Уилсона, с которым тот состоял в переписке, по поводу некоторых писателей-модернистов представила в своем докладе Г. Димент (США).

Заметим, что в других сообщениях — во вполне набоковском духе — прослеживалась ирония по поводу применения к Набокову самой этой системы ценностей, сквозящая, например, в самом названии докла-



Владимир Набоков. 1973.

лада Б. Бойда: “Об интертекстуальности, интратекстуальности, супратекстуальности, инфратекстуальности, экстратекстуальности и автотекстуальности в модернистской и предпостмодернистской повествовательной речи” (на самом деле этот содержательный доклад был посвящен сравнительному анализу романов Набокова и Джойса — см. ниже). Подобная ирония достигла высшей точки в блестящем выступлении Г. Грабеса из Гиссена, состоявшем из двух прямо противоположных стилизованных речей, якобы обращенных к членам жюри и призывающих дать писателю премию сначала “за модернизм”, потом “за постмодернизм” (“премия, которая окажет честь писателю, а после этого присуждения станет тем более почетной”). Обе эти взаимоисключающие речи, в которых пронизательные замечания автора перемежались пародией на поверхностно-расхожие толкования набоковского творчества, завершала резюмирующая реплика от имени самого писателя: единственный критерий — удовлетворенность автора, и только безумец может думать, что последнее слово за комментатором...

Примером еще одного нетрадиционного доклада явилось выступление участвовавшего в конференции английского писателя Дэвида Лоджа под названием: “Какого рода беллетристику писал Набоков: взгляд практика”. Автор, в частности, обратил внимание на нехарактерные для английской “высокой” литературы, но часто встречающиеся у Набокова мотивы преступления — расследования — наказания (восходящие к романам Достоевского); то же можно сказать и о теме насильственной смерти; все это имеет далеко идущие следствия на уровне глубинной структуры романа. В целом, по мнению Д. Лоджа, творчество Набокова, при всем новаторстве писателя, теснейшим образом связано с реалистической традицией.

Любопытно, что анализу произведений Набокова было посвящено меньшинство докладов. Вл. Трубецкой рассмотрел многоуровневые мотивы творчества в романе “Отчаяние”, герой которого, Герман, сам представляется двойником множества предшествующих литературных персонажей, но, совершая убийство Феликса, более явного своего двойника из плоти и крови (“хороший двойник — мертвый двойник”), он убивает и свое подлинное существо. Между тем, позднейший английский вариант романа (“Despair”) сам является своего рода литературным двойником русского “Отчаяния”. Дж. У. Конноли посвятил свой уже упоминавшийся доклад роману “Приглашение на казнь”, а Леона Токер затронула общие вопросы поэтики Набокова в связи с категорией

“дробления картины мира” в его произведениях.

Гораздо большее число докладов носило, однако, компаративный характер. Внимание целой группы докладчиков концентрировалось вокруг темы “Набоков и Джойс”. М. Кутюрье, организатор конференции, отметил сходство в литературной судьбе “Улисса” и “Лолиты” — оба романа подвергались цензурному запрету, а критики, “оправдывающие” эти произведения в силу их литературных достоинств, по существу мало отличались от тех же цензоров: и те и другие готовы усматривать в романах некое “сексуальное содержание”, а следовательно, утилитаризм. Б. Бойд в своем докладе с забавным заглавием, анализируя знаменитые вступительные сцены “Улисса” и “Ады”, при общих чертах, сближающих обоих писателей, указал скорее на различие, чем на сходство в использовании литературных источников (“Одиссея” у Джойса, “Царь Эдип” и Толстой у Набокова), в отношении к проблеме времени и т.д., — различие, восходящее к уникальности миров, творимых каждым из художников. Наконец, в докладе К. Раге-Бувар прослеживалась связь между “Поминками по Финнегану” Джойса — произведением, о котором Набоков, в отличие от высоко ценимого им “Улисса”, высказывался весьма отрицательно, — и его рассказом “Сестры Вэйн”.

Один из наиболее интересных докладов был прочитан А. Долининым, который сосредоточил свое внимание на сложных литературных подтекстах того же романа “Отчаяние”. По мысли докладчика, в этом романе Набоков пародирует не столько самого Достоевского, сколько “достоевщину” в русской литературе первой трети столетия; представления же Германа о преступлении (убийстве) как форме искусства пародируют, в свою очередь, декадентскую прозу Серебряного века с ее героями — безразличными нищезанцами-эстетам.

Другие компаративные доклады охватывали широкий и часто неожиданный сравнительный материал, выявляющий некоторые нетривиальные аспекты набоковского творчества, — “Набоков и По. Философия композиции” (С. Фрес, Париж); “Набоков, Эйн Рэнд и русско-американская литература” (Д. Бартон Джонсон); “Набоков и Перес: встреча на перекрестке” (Дж. Грейсон, Лондон); “Птицы разного полета: Набоков и Козинский в послевоенной литературе” (Э. Пайфер, США); два доклада: “Парадигма в форме V: Набоков и Пинчон” (Э. Суини, США) и “Переключки: «Бледный огонь» и «Маятник Фуко»” (П. Тамми, Финляндия) — касались отражений набоковского творчества у других писателей. Этот последний доклад содержал, среди прочего, пронизательное замечание о том, что форма романа Набокова “Бледный огонь”, построенного в форме комментария к поэме, восходит к опыту работы писателя над переводами и комментированиями “Евгения Онегина”, “Героя нашего времени”, “Слова о полку Игореве”. Это подводит нас к последней группе докладов, непосредственно связанных с наследием Набокова-критика. В их числе, помимо уже упоминавшегося доклада Г. Димента, — прекрасный доклад С. Карлинского, в котором нетривиальные высказывания Набокова о русских поэтах и поэзии ставились в связь с поэтикой его собственных стихов и романов.

МИХАИЛ МЕЙЛАХ

Ницца — Клермон-Ферран